

Глава 1

— Как свистеть-то?

— Можно не свистеть, можно кричать.

— Кричать?

— Издавать боевые кличи, — поясняю я. — Вот так примерно.

Я кричу. Кажется, получается не очень: пискляво, как-то даже капитулянтски. Я от себя такого не ожидал. Вовка хихикает.

— Не страшно, — говорит он. — Совсем-совсем. Надо могуче. Я про теннисистов видел передачу, они всегда кричат — так сильнее бить получается. И каратисты кричат. И штангисты — они тоже ведь толкают. Толкать, наверное, тоже с криком легче?

— Наверное.

— Тогда попробую.

Вовка набирает воздуха, сводит облезлые от загара лопатки и с чужим криком срывается с места.

Перепрыгивая через корни сосен, выставив перед собой руки, несется по песчаному откосу, врывается в нос лодки. Бешено месит ногами песок, зарывается почти по колено, рычит, упираясь лбом в водорез.

Лодка сдвигается сантиметров на двадцать, на полшага.

— Видел?! — победно кричит Вовка. — Видел, а?! А ты говорил!

Он оставляет лодку, заходит по колено в реку, сует голову в воду. Минуту держит дыхание: легкие развивает.

Выныривает.

— Тут везде рыба мелкая сидит. — Вовка проглаживает ладонью волосы, отжимает влагу. — Килька какая-то наглая... Видел, как лодка сдвинулась? На метр!

— Так до вечера толкать будешь.

— Не, не до вечера. Уже немного совсем осталось, я уж дотолкаю.

Вовка вновь поднимается по берегу, собирает створки жемчужниц. Кажется, он собирается сделать из них ожерелье.

— Еще раза три, — говорит Вовка. — Потом вода уже сама подхватит.

Вовка прячет жемчужниц в рюкзак, поворачивается к реке, разбегается, врывается в лодку — двадцать сантиметров.

— Ага! — Вовка пинает посудину в бок. — Вот так!

Возвращается, набирает высоту и обратно.

Этим он занимается уже почти час. Упорный. Я бы давно бросил. Взял бы вон ту жердину, подцепил киль, навалился плечом да и сдвинул. Или за корму раскачал, лодка бы и снялась. Но ему так неинтересно.

Я сижу на обрыве, греюсь, шевелю пальцами. Ага, суббота, суббота ленива, как старый пес. Особенно до обеда, смола и мед, и пахнет примерно так же, и в небе висят сонные птицы, кажется, чайки, ну-ка...

— Это парaplаны, — перехватывает Вовка мой взгляд. — В Рыбачьем пять штук, по восемьсот рублей катают. Говорят, здорово. Над заливом и вдоль берега...

Вовка вздыхает.

— Твой дед меня убьет, — отвечаю я.

— Да он и не узнает, — отмахивается Вовка. — Он свечи менять думает, теперь целый день провозится.

— И отец убьет, — напоминаю я.

— Отец сам с парашютом прыгнуть собирается.

— Он уже двадцать лет собирается. Еще пару годков — и ни один парашют его уже не выдержит.

— Это да...

В полдень часы переворачиваются, время чуть ускоряется, и жизнь уже не так интересна. А с восьми до двенадцати — то что надо: чувствуешь перспективу. Минуты не спешат, и ты не спешишь вместе с ними. Можно забраться поглубже в кресло и смотреть на залив, на острую полоску воды между красными соснами. Иногда там мелькает белый парус, а иногда зеленый.

Сегодня никакого.

Вовка залезает на сиденье лодки, срывает бандану, машет в небо. Поскальзывается, падает в воду, поднимается, трава через плечо, выбирается на песок. Толкает лодку. Всё, мимо, устал.

— Опять не получилось, — говорит Вовка. — Тяжелая...

— Помочь?

— Не, не надо, завтра сам столкну. Все равно сегодня не успели бы.

Это точно: сегодня мы вообще редко куда успеваем.

— Пойдем, что ли...

Вовка смотрит на часы.

— Пойдем, а то опять орать будут. Весла только возьму...

Он сбегает к лодке, выворачивает весла. Тяжелые, почерневшие, настоящие весла с пиратских шлюпок. Забрасывает

на плечи, продавливаясь в песок, взбирается наверх. Пытается насвистывать залихватское. Весла раскачивают его справа налево.

Мы шагаем сквозь сосны. Вовка цепляется веслами, а тащить их вертикально у него сил не хватает. Когда падает в четвертый раз, начинает ругаться. Сначала ругает весла, затем лодку, затем своего тренера, погоду и почему-то японцев; чем уж они ему не угодили? И белок, которые обнаглели и украли у него с утра две чурчхелы. Они его доведут — возьмется за пневматику...

Весело у него получается, злобно. Очень скоро я понимаю истоки вдохновения: на крыльце нас уже поджидают. И скоро ругают уже Вовку. Занудно, долго, на два голоса, один мудрее другого. Мне надоедает это слушать, и я отправляюсь на веранду. Устраиваюсь в кресле, натягиваю валенки, вытягиваю ноги. Валенки в августе, сон в субботний полдень.

В двенадцать просыпаются звуки. Вовка притащил из гаража стремянку и разбирает антресоли. Гремит алюминиевой посудой, роняет чугуны и подшивки «Роман-газеты». Роняет котелки, футляр от аккордеона, старые пластинки с небрежными царапинами вдоль и глубокими поперек. Роняет брошюры о лыжном туризме и аквариумистике, связанные в плотные пачки. Брякает самоварами. Когда-то я коллекционировал самовары, можно сказать, был знатоком самоварного дела. До сих пор отличу по звуку: вот грохнулся настоящий столетний тульский пузан, двухведерный, с медалями; а вот — современный, легонький, хотя и тоже тульский, покатился, как консервная банка, — звук несерьезный.

А еще другие звуки: мопед, например. Дребезжащий и звонкий, похожий на будильник, спрятанный в кастрюлю; это у соседей справа (кажется, Ключниковы). Мальчишка

и мопед — опасная смесь. Бездельник снял глушитель и ревет на всю округу, приводя в ужас окружающих пенсионеров. Сорок лет назад бездельник снимал глушитель, и двадцать лет назад снимал глушитель; бездельник всегда будет снимать глушитель и нарушать покой мирных жителей.

Вовка чихает — ветер несет пыль с дороги, а окна я летом не закрываю. Всех дачников, кстати, эта пыль чрезвычайно раздражает, а меня вот нет, мне нравится, что вокруг песок и сосны, а какой песок без пыли? Она плещется в забытых ботинках, скрипит в подшипниках велосипедов, окрашивает красным белоснежных резиновых лебедей. Но больше всего она, конечно же, любит черный лак «бумера», оседает на нем оранжевым марсианским порошком. А я нарочно не вытираю.

Во-первых, это бесит старшего. Это его тайная машина. Он приезжает сюда раз в месяц, полирует бампер и диски, слушает мотор, сидит за рулем, смотрит на воду. Никуда почти не ездит, просто смотрит.

Во-вторых, это нравится Вовке. Он рисует по пыли чертей. Это, конечно, не настоящие черты, а какие-то мультяшные беззубые звери, названия которых я никак не могу запомнить. А еще он пишет на полировке «козьявка», «грязнуля», «деда, я чешусь». От этой живописи старший приходит в сдержанное бешенство, но ругаться не осмеливается: боится, что младший рассердится и перестанет вывозить Вовку ко мне.

Голоса. Старший — сын, младший — внук. На даче прекрасная звукопередача, уж не знаю, отчего так, наверное, из-за воздуха. Чистый воздух, как барабан, — я все слышу. Ругаются из-за мяса. Младший жарит шашлык, а старший, оказывается, рассчитывал на кебаб. Говорит, что шашлык — это общее место: выйди к реке, и под каждой ракитой

встретишь угрюмых людей с шампурами и тоской в глазах. Младший хихикает и предлагает познакомить старшего с одним хорошим ортодонтом, потому что, если уж человек переходит с шашлыка на кебаб, ему стоит серьезно озаботиться. Ну и так далее...

Из-за двери втягивается назойливый мясной дымок. Просил у реки жарить, но они же ленивые, им не лень только собачиться (завтра залью им в мангал гудрончика — так, немного, для аппетита).

Собака, кстати, тоже брешет. Это у Лобановых. Пустолайка, соседи жалуются, а мне нравится: лает и лает, если лают собаки, значит, жизнь продолжается.

Вовка спрыгивает со стремянки, чихает, потирает нос, протягивает мне блестящую коробочку.

— Это что?

— Папиросница. Очень удобная вещь: вот сюда сыпешь табак, вот сюда вкладываешь бумагу, поворачиваешь ручку — и получается папироса.

— Зачем?

— Курить.

— Понятно. А я думал, вы раньше только трубки курили.

— Я вообще не курил.

— А зачем тогда папиросница? Это память?

— Ага.

Вообще-то это не память. Вообще-то это я махнулся не глядя. Перочинный ножик с серебряными накладками, пять лезвий, отвертка, штопор и даже маленькие такие ножнички, сбоку выдвигаются. Но в «махнемся» свои правила: можно очень удачно поменяться, а можно ложку на вилку. Хотя с другой стороны, память, конечно. Все тогда были в таком настроении: обнимались, кричали, менялись неделю, как

пьяные. Вот и я поменялся. И не жалел: память на самом деле. И работает до сих пор. Лет восемь назад работала...

— А можно это мне будет, а не Петьке? Ну, потом?

— Можно. Только Петьке надо тоже что-нибудь оставить.

Он ведь тоже мой правнук.

— Зачем? — морщится Вовка. — Он к тебе раз в год приезжает, а мы почти каждую неделю. Пусть дырчик в сарае берет, он технику любит. А мне папиросница, я курить буду.

Вовка трет папиросницу пальцем, возвращается на стремянку, роняет очередной самовар.

— Осторожнее там.

— Нормально, — щурится от пыли Вовка.

— А как ключица?

— Тоже нормально. В четверг ездили на рентген, два часа проторчали.

— Чего так?

— Дедушка ругался, чтобы мне выдали свинцовые трусы, а врач говорил, что в этом аппарате свинцовые трусы уже не нужны. Но дедушка очень рассердился и стал кричать, что ребенок без трусов в аппарат не войдет!

Вовка хихикает.

Свинцовые трусы. Это очень похоже на моего сына.

— И что же дальше?

— Дальше доктор тоже стал кричать. Он очень сильно покраснел, стукнул кулаком по рентгену и куда-то ушел. А потом вернулся.

— С трусами?

— Ага. Только они оказались очень большие и тяжелые, я их даже от пола оторвать не мог. Дедушка сказал, что он пойдет со мной в камеру и подержит трусы за меня, пока

доктор будет фотографировать. На что доктор ответил, что рентген не баня, туда вдвоем не ходят.

Теперь смеюсь уже я.

— Тут как раз в поликлинику папа приехал, — продолжает рассказывать Вовка. — Сказал, что доктор прав, можно и без трусов. Это немецкие аппараты, они совсем не излучают. Так что дедушка может оставить свое мракобесие...

Вовка ухмыляется: наверное, представляет, что такое мракобесие.

— Так вот, дедушка пусть прекращает беситься и не мешает лечить ребенка, у него скоро соревнования. Нечего из-за своих мохнатых предрассудков ставить под угрозу спортивное будущее.

Мохнатые предрассудки Вовку не веселят. Спортивное будущее. Это уже похоже на моего внука.

— И чем дело закончилось?

Вовка пожимает плечами.

— Приехала мама.

— Понятно.

Мама у нас серьезная девушка.

— Так что с ключицей у меня уже все в порядке. На рыбалку можно, на стремянку тоже. На чердак. Я кеды специальные надел.

Вовка демонстрирует кеды цвета свежей лягушачьей кожи.

— Хорошие тапки.

— Тогда на чердак? В прошлый раз ведь недоразобрали...

Но отправиться на чердак не получается — дверь на веранду открывается, и являются оба, и оба сразу впиваются в Вовкины кеды.

— Опять на чердак лезете? — недовольно спрашивает мой сын.

— Да пусть лезут, там же здорово, — говорит мой внук. — Сети висят, лампа керосиновая, «Моделист-конструктор»... Я там все детство просидел.

— Это заметно. Лучше б ты за партой просидел. Ты, между прочим, в этих сетях едва не задавился, помнишь? Я уж не говорю про «Конструктор»...

Сын поворачивается ко мне, протирает платком очки. Потеет. Толстый. Нервный. Старый. Никогда не думал, что у меня будет такой старый сын.

— Отец, ты помнишь, как он арбалет смастерил? — сын глядит на меня. — Мне же потом перед родителями того мальчика неделю пришлось извиняться! Чердак! Там же пыль, там же прах, там же микробы кишат! У ребенка от вашего спорта иммунитет ослаблен — он носом постоянно хлюпает. Он же аллергик! Какой ему чердак?!

— У каждого мальчишки должен быть свой чердак, — тут же возражает внук. — Штаб на дереве или шалаш...

Тоже, кстати, толстый. Толстеющий. На затылке заметная складка, так и хочется за нее подержаться, какой ему парашют... Никогда не думал, что у моих внуков на затылке будет такая складка.

— Не надо мне рассказывать про шалаш! — едва не взвизгивает сын. — Не надо мне про ночевки рассказывать! Ночевки... Я до сих пор не могу радикулит залечить! Чердак... Ты еще снежный дом вспомни!

Они опять начинают ругаться.

Мой сын и мой внук ругаются почти всегда, сколько я их помню вместе. Конфликт поколений, ничего не поделаешь. Внук говорит, что нечего проецировать свой непроходимый ридикюль на десятилетнего пацана. У него пока никакого радикулита не предвидится, ему нужно думать о спортивном

будущем, а не о позвонках прародителя. Сын возражает. Кричит (он почти всегда кричит), что мальчику необходима интеллектуальная пища, из него же не получится хоккеист, никогда не получится, это видно, пора прекратить издеваться над ребенком и увидеть, к чему у него есть предпочтения, а предпочтения у него зримо гуманитарные...

Вовка трет уши. Родители ссорятся. В конце концов происходит то, что происходит всегда: они забывают про нас, выходят в сад и продолжают браниться уже там. Вдруг младший начинает ругаться особенно громко, просто яростно, собирается кого-то убить, порвать на протирку, пустить на фантики. Старший смеется. Младший кричит в бешенстве. Кажется, у них пропало шашлычное мясо из кастрюли. Это лобановская Пустолайка. Она ко всем заглядывает, попрошайничает, хотя хозяева ее хорошо кормят, просто такая вот натура. Ну а если что плохо лежит...

Младший вопит, что теперь надо ехать за мясом и начинать все сначала, а уже почти час; старший отвечает, что это знак судьбы, пора давно отказаться от этих вульгарных шашлыков, да и вообще от мяса, можно ведь купить креветок, ароматные перцы, индейку, на крайний случай люля-кебаб. Про нас они забывают совершенно, отправляются за кебабом. Или за креветками. Становится очень тихо. Ну, кроме мопеда — он орет.

— Ну, что делать-то будем? — спрашивает Вовка уныло. — Потренируемся, может, если на чердак все равно нельзя. Папка говорит, «рыбку» надо до четырех минут доводить...

— А сам он сколько держит?

— А насколько: у него же давление. Ну что, за секундомером бежать?

— Не бежать. Полезем на чердак.

— Так там же пыль... — Вовка смотрит в потолок. — Аллергия может обостриться...

— Аллергия везде может обостриться. И всегда. И вообще, немного грязи не повредит, знаешь ли. Надо закаляться, мы всегда закалялись. Вперед.

Мы отправляемся в пристройку, долго приставляем лестницу к лазу, примеряемся. Вовка ползет первым, я за ним.

Чердак. Сети. Они тут висят, наверное, с... не помню. С Гагарина точно. Мы как тогда на Азовское море смотались, так я их сюда и повесил. Чтобы пахли солью, рыбой, чтобы чешуя блестела в ячеях, чтобы... Не знаю, когда развешивал эти сети, я вспоминал Ассоль и шпроты.

Вовка пробирается через сети, запутывается, распутывается, снова запутывается, смеется. В воздух поднимается серебристая пыль.

— А удочек нет? — Вовка выуживает из ячей засохшего пескаря (специально туда прицепил). — Бамбуковых?

— Зачем тебе? У тебя же пластиковые есть.

— Есть. Просто бамбуковые... — Вовка кусает пескаря в бок. — Соленый... Раньше ведь только бамбуковыми ловили.

— Пластиковые лучше.

— Лучше. Но бамбуковые ведь совсем другое дело, правда?

— Правда.

— Вот и я говорю...

Вовка садится на диван, провалистый и музыкальный. Диван скрипит, выдувая из себя, как из меха, фонтаны пыли. Это уже другая пыль — ее можно легко собрать в кулак, слепить птичку, как из хлебного мякиша.

— А в диване что? — Вовка стучит по красноватой обшивке.

— Ничего. Раньше в диваны ничего не складывали. Только скелеты.

— У тебя скелет там? — Вовка перестает подпрыгивать.

— Обязательно.

Вовка смеется. Но с дивана поднимается. Подходит к книжному стеллажу. В прошлый раз он разобрал его до второй полки. Но сегодня Вовка книгами не интересуется, стягивает с полки патефон.

— Пластинки там, в корзине.

Но пластинки Вовку тоже не интересуют. Он пристегивает к аппарату ручку, накручивает пружину, запускает механизм.

Я хочу еще раз предложить пластинки, но вдруг понимаю, что дурак: Вовку совсем не это интересует. Некоторое время мы сидим в чердачной тишине, прислушиваясь к потустороннему хрусту шестеренок, глядя на медленно вращающуюся тарелку. Ее шепот прерывается резким щелчком, Вовка закрывает крышку патефона, легко поднимает аппарат на третью полку — хоккеист как-никак.

— А ты что, шкаф с шубами уже убрал? — спрашивает он.

— Еще в мае, — отвечаю. — Убрал: в нем моль завелась, все шубы сожрала.

— Жаль. А то там интересно было. Шубы — здорово. У нас дома ни одной нет — мама животных защищает, ну, ты знаешь. А это что там?

Вовка возвращается к сетям, пробирается через них, снимает зеленую пластмассовую коробочку, подвешенную с краю.

— Блесны... А зачем тебе блесны, да еще зимние? Ого, финские, настоящие! Можно?

— Бери, конечно.

Вовка достает блесны, разглядывает, пробует крючки на ногте.

— Как лед станет, на рыбалку пойдем, — обещаю я. — На каникулах.

— Мы в Ярославль едем на каникулах, там же первенство. Нормальные блесны, сейчас таких нет... Ручная работа, кажется, посеребренные.

Вовка бродит в сетях, опрокидывает с полки банку с крошеным пенопластом — падает снег.

Я смеюсь.

Вовка выбирается из сетей, в чешуе, в пенопласте, довольный.

— А правда, что папа говорит? — спрашивает он.

— Что?

— Ну, что ты двадцать немцев убил.

— Двадцать?

— Двадцать. Это только из автомата!

И это только из автомата. Да...

— А еще семерых штыком заколол!

— Заколол?

— Ага. А остальных из ППШ.

— А ты откуда про ППШ знаешь?

Вообще-то я не очень удивлен, я давно уже не удивляюсь. Другие, новая порода, не такие, как мы. Но почему-то их я понимаю. Старшего не понимал, с младшим как с пришельцем разговаривал, а с Вовкой все не так. Хотя, может, это я в детство впадаю постепенно? Уже, пожалуй, пора. Давно пора вообще-то...

— У всех во время войны был ППШ, у тебя тоже должен быть. Или у тебя МП 40?

— Это смотря для чего, — отвечаю я. — Если к составу идти, то лучше с ППШ. А если так, то МП. А вообще мы с пистолетами больше ходили, так удобнее.

— Почему?

— А ты откуда столько про оружие знаешь? — вопросом на вопрос.

— А, — машет рукой Вовка, — книжки читаю.

Книжки он читает — это точно.

— У нас все почти в классе читают. — Вовка направляется к буфету, до него он в прошлый раз не добрался. — А тут что?

— Не помню.

— Посмотреть можно?

— Конечно.

Вовка открывает буфет, нюхает пыль.

— Тут посуда одна битая... — Вовка слегка разочарован. — Но выкидывать, конечно, нельзя, сейчас стекляшки, а через пятьдесят лет на это яхту купим. Пыль сдувать не надо, она предохраняет. Да и сам буфет тоже ничего, его уже сейчас в кино можно снимать.

Вовка бережно закрывает дверцы.

— Это наш родовой буфет? — спрашивает Вовка.

— Да, — отвечаю я.

Это, конечно, вранье, но знаю про это только я. Так что это уже наш родовой буфет. Его купил еще мой дедушка сразу после Крымской войны.

— Отличная вещь, лак как вчера положили, — Вовка стряхивает прилипший к буфету пенопласт. — Папка рассказывал, как он вырезал звездочку, а ты его выпорол. На левой дверце... А, вон она!

Вовка находит накорябанную звездочку, разглядывает ее неодобрительно.

Вовка любит старинные вещи, мимо «Антиквара» никогда не проходит. Вместе лезем в подвал, под подкову, под колокольчик. Я сижу на раритетной чугунной скамейке,

Вовка бродит по рядам, разглядывает значки, велосипедные фонари, наборы аптекарских гирек, дореволюционные будильники — все то, что валяется в изобилии на каждом чердаке от Москвы до Владивостока. Листает старые альбомы, рассматривая через лупу желтые фотографии незнакомок, щупает открытки. Кажется, на день рождения он просил у отца металлоискатель. А тот подарил ему коньки. Профессиональные, из какой-то там особой стали, ею можно трубы рубить. Зачем коньками рубить трубы?

— Сундук мы в прошлый раз так и не открыли, не успели. Давай сегодня, а?

Вовка снимает со стены связку, начинает подбирать ключ: постукивает по замку, некоторые ключи разглядывает пристально, в другие свистит.

— И что же вы там читаете? — спрашиваю я.

— А, всякое... — Вовка пробует очередной ключ. — Про выживание разное, про мутантов... Про краеведение. Но это я только, остальные это не очень любят, конечно.

— А про оружие в краеведческих книгах написано? — улыбаюсь я.

— Не, в краеведческих про краеведение. Почему реки так называются, где раньше дороги проходили, про монастыри. А оружие — это где про ядерную войну.

— Про ядерную войну?

— Угу.

Вовка подбирает ключ, замок щелкает, Вовка отскакивает, настороженно смотрит на меня.

— Сундук, — говорю я. — Еще твоему... прапрадеду принадлежал. Он его сам, кажется, и сделал.

— Обычный? — подозрительно спрашивает Вовка.

— Самый что ни на есть.

— Ага... Я читал, есть такие сундуки... Хитрые. Сундуки-убийцы, короче. Ты его открываешь, а оттуда стрела отравленная. Или дротик. Или механический скорпион. Мера предосторожности от кладоискателей. Так вот.

— Этот без дротика, — уверяю я.

Вовка возвращается к сундуку, подцепляет за ручки крышку, толчком, по-штангистски, выбрасывает ее вверх, откидывает к стене.

— Ого!!!

Вовка произносит это «ого» с таким восхищением, что у меня возникает подозрение, что содержимое сундука каким-то чудом подменили и теперь вместо старого барахла там лежат каперские сокровища.

— Да...

Он вытирает руки о штаны и достает из сундука ремень.

— Твой?

— Кажется...

— Военный?

— Ага.

На самом деле ремень не военный, им я обзавелся уже сильно после. Не могу понять, отчего не выкинул... Хотя раньше вообще мало вещей выкидывали.

— Со звездой, как надо... — Вовка придиричиво изучает зелень, поселившуюся на бляхе, недовольно морщится. — Нужно пастой почистить...

Он надевает ремень. В свое время я наделал в нем дополнительных дырок почти до половины, отчего ремень оборачивался вокруг меня ровно два раза. Удобная была вещь. Особенно спать хорошо: затянешь поплотнее, на пузо под пряжку тетрадку засунешь — и есть ночью вроде как неохота.

Застегивает пряжку на последнюю дырку и подсовывает руки под ремень.

— Ничего лямка, — говорит он. — Сколько лет, а как новенький, даже не протерся. А мне мама купила — так через два месяца порвался... А правда, что на ремне бритву раньше точили? В кино показывают.

— Можно и на ремне. Но у меня брусок особый был.

— Ясно...

Достает побуревшую от времени матерчатую сумку. Не открывает, изучает так, ощупывает.

— Противогаз, видимо... Точно, противогаз...

Бытряхивает маску, жестянку фильтра, трубу, похожую на кишку.

— Так... Газы!!

Натягивает маску, открывает клапан фильтра, смотрит на меня, машет руками. Противогаз ему велик, само собой.

— М-ж-м-щ! — мычит Вовка.

Он сует мне телефон, показывает кнопку, куда нажимать. Мобильник издает звук затвора. Щелк. Вовка показывает палец, я щелкаю еще раз.

Сдергивает противогаз.

— Потом на «Кэнон» еще сфоткаемся? Только на твой, полноматричный, ладно?

— Ладно, — соглашаюсь я. — Зачем только?

— Ну, просто, пригодится. Я потом фоном биохазард прифотошоплю, — объясняет Вовка, — а у Крупнова «Калаш» возьму, ММГ, конечно. Нормально получится. А если по-настоящему, то размерчик не мой. Велик, в реале в таком не продержаться. Но если надо, я могу через Интернет заказать хорошие английские маски, если интересуешься.

— Да нет, не интересуюсь. Я в ядерную войну не очень... верю.

— Ну, не обязательно это будет война, — наставительно говорит Вовка. — Все может случиться. Крушение состава с хлором, к примеру.

— Это да, — соглашаюсь я. — Крушение запросто. Только железной дороги у нас не проходит.

Вовка секунду думает, потом говорит:

— Подводная лодка может на отмель выброситься. Атомная. А там утечка радиации, или биологическое оружие еще лучше.

— Тогда конечно, — соглашаюсь я. — Пожалуй, ты на самом деле закажи.

Вовка деловито корябает в телефонной напоминалке. Теперь у меня будет отличный английский противогаз. На случай атомной подводной лодки.

Отечественный противогаз Вовка умело сворачивает и прячет в сумку.

— А это что?

Вытаскивает из сундука вишневый футляр.

— Погоди! Погоди! — он машет рукой. — Угадаю! Это старинный... миксер?

Миксер. Я это слово первый раз в восемьдесят втором услышал, когда старший из ГДР вернулся.

— Нет? — Вовка стучит по футляру. — Не миксер... Арифмометр?!

Арифмометр, конечно, мечта. Прошлым летом в Костроме торговые ряды, лавка «Сусанин». Вовка увидел прибор с блестящими цифрами, рычажками и колесиками и мигом опознал в нем дифференциальную машину, чем крайне заинтересовал продавца. Началась беседа о малознакомых мне

вещах: о стимпанке, об альтернативной истории и о преимуществах немецких металлоискателей перед японскими. Разговор знатоков закончился приобретением менее дорогого механического шагомера, но арифмометр из Вовкиной памяти не стерся — придется подарить на день рождения.

Зачем ему арифмометр? Я в его возрасте мечтал о велосипеде... Впрочем, велосипед у Вовки уже есть. И компьютер. И вертолет на радиоуправлении. И робот-собака: она понимает команды, приносит тапочки и поет протяжные корейские песни.

Арифмометра нет.

— Это не арифмометр, — говорю я.

Вовка бережно потряхивает футляр.

— Тогда, наверное, фотик... Ты ведь и раньше фотографией увлекался. Наверное, это твой?

Вовка открывает футляр, достает аппарат.

— Welta Weltix, — читает название. — «Вельта Вельтикс»?

Трофейный?

Вовка рассматривает камеру с разных сторон.

— Так там пленка вроде бы. Это еще военная?

У меня догадливый правнук.

— Ого! — Вовка бережно ставит «Вельту» на стол. — А почему не проявишь? Там же, наверное, снимки важные. Можно было бы напечатать...

— Она засвечена.

Я сдвигаю замок, поднимаю заднюю крышку. Коричневая пленка, сильно смятая. Тридцать шесть кадров.

— А что там было? Важное?

Вовка пытается разглядеть что-то на пленке.

— А чего не выкинешь? Если она все равно испорчена? Зачем хранишь?

Я молчу.

— Правильно, что хранишь, — кивает Вовка. — Сегодня нельзя проявить, а завтра можно будет, техника ведь на месте не стоит. Придумают новый сканер, глядишь, и увидим.

Это да. Техника. Может, лет через двадцать. Дожить бы.

Вовка рассуждает:

— Вообще все вещи не надо выкидывать, они со временем только дорожают. Кроме того, старые вещи — это ведь память. Берешь какую-нибудь там ложку и вспоминаешь. Я вот еще в детском саду язык о ложку ожег. Она на плите лежала, а я ее за кончик взял и зачем-то лизнул. Потом месяц разговаривать не мог. С тех пор как ложку увижу, сразу чувствую, как язык щиплет. А ты что тогда чувствовал?

— Когда? — не понимаю я.

— На войне. Что ощущал? — продолжает допытываться Вовка. — Ну, внутренне? От обычной жизни чем отличается?

— Внутренне? — переспрашиваю я.

— Ага. Я объясню, — говорит Вовка. — Вот сейчас солнечно. Мы на чердаке сидим, а все равно солнечно — это чувствуется. И заливом пахнет, и пылью, спать еще охота. А завтра воскресенье, и с утра можно пойти ловить бычков. И поэтому у меня сейчас очень *субботнее* настроение. Ну, ты понимаешь?

— Примерно.

— А вот если в понедельник начинались бы каникулы, то настроение было бы еще *субботнее*. У тебя случается *субботнее* настроение?

— Конечно. В последнее время у меня почти всегда настроение *субботное*.

Вовка вздыхает с завистью. Школьники вечно завидуют пенсионерам. Не знают, что у *субботного* настроения всегда есть утро понедельника.

— А на что похожа война? — снова спрашивает Вовка. — По ощущениям?

Сразу я не отвечаю, какое-то время думаю, стараясь подобрать слова. Вовка ждет. Надо купить ему камеру. Он, кажется, фотограф, как и я. Жизнь для него не календарь событий, а альбом ощущений. Полированная сталь папиросницы, липкая резина противогаза, пыль и рыбный запах сетей. Война — он читал энциклопедии, смотрел фильмы, играл на компьютере и спорил на оружейных форумах. Но не понял.

— Война похожа на болезнь, — отвечаю я.

Вовка шевелит бровями.

— На грипп. Когда болеешь гриппом, поднимается температура. Вот когда ты в феврале болел, у тебя было тридцать девять и пять. Что помнишь?

— Как пришибленный себя чувствуешь. Как будто... — теперь думает уже Вовка, вслух. — Как будто все происходит не с тобой, а рядом. В параллельном мире... Так?

— Примерно.

Я беру аппарат. Камера тридцать девятого года кажется сегодня игрушкой.

— И есть все время охота.

— Когда болеешь, есть неохота, — возражает Вовка. — Охота спать.

— Спать тоже охота, почти всегда. И почти всегда холодно, даже летом.

Я прячу аппарат в футляр.

— Понятно. — Вовка снова смотрит на сундук. — В общих чертах. Погано, наверное?

— Наверное. Все время надо куда-то идти, каждый день, и все время ты отчего-то просыпаешься, каждый день по пять

раз просыпаешься... Короче, ты больной, с распухшей головой бредешь по снегу через вечный понедельник. При этом понимаешь, что вторника может и не случиться.

— Нормально...

Вовка закрывает глаза и представляет войну. Недолго, минута — и он легко выкидывает из головы всю эту лишнюю чушь.

— Понятно в общих чертах, потом подробнее расскажешь, хорошо?

— Хорошо.

Вовка выбирает из сундука на свет чуть приплюснутую зеленоватую пачку.

— Табак? — Вовка нюхает плотную бумагу.

— Махорка.

— Шестидесятый год... — с некоторым разочарованием читает Вовка на пачке.

— И спички еще там где-то были. С шестидесятого года, тогда как раз все опять войны ждали — запасались.

— А она к папироснице подходит? — Вовка кивает на машинку.

— Хочешь попробовать?

— Ага. Только бумаги нет...

— Почему же нет? Полно.

Я приношу от чердачной печки толстый рекламный справочник и телефонную книгу.

— Бумага точно такая же, только крашеная. Разрезаешь второе лист, вставляешь вот в эту щель...

— Я попробую?

— Давай.

Вовка начинает возиться с махрой и бумагой. Я иду к окну, футляр с аппаратом в кармане. Сажусь на книги, смотрю

на залив. Футляр с камерой оттягивает шорты. По берегу залива ползет черная капля «бумера»: это наши возвращаются из поселка, купили мяса, будут опять его жечь до вечера. А как стемнеет, фейерверк запустят, что-то они в последнее время пристрастились. Внук говорит, что фейерверки его успокаивают, что если бы ему выдали вторую жизнь, то он стал бы фейермастером. Я в целом не против фейерверков, правда, меня пугают звуки. Но я им не запрещаю: в моем возрасте глупо что-то запрещать.

Шашлык, фейерверк, суббота.

Это на самом деле похоже на болезнь. И на смерть тоже, только я Вовке об этом не сказал. И еще на сорок разных вещей это похоже. А когда я был там, мне все время казалось...

Ладно. Мне все время что-то кажется, всю мою жизнь. Я очень мнительный: я не люблю черный цвет, берегу соль и руки мою всегда два раза. Если бы Вовка узнал, засмеял бы: он крайний материалист, как все дети его возраста.

Он сидит за столом и сворачивает папиросы с помощью старинной машинки. Их уже восемь штук.

Восемь штук — обойма, однако.

— Так что там на пленке-то было? — спрашивает Вовка и скручивает еще одну папиросу.

Глава 2

Тропка расхлябалась, шагать стало трудно, приходилось много смотреть под ноги и мало вокруг. Мне так не нравилось — мне хотелось смотреть на реку. Берег подмыло, в глине образовались заедины, из них выставлялись космы корней с налипшим речным мусором — похоже на гривы